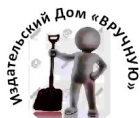

Александр ВОЛОВИК

СИЯНИЕ ЮГА

СТИХИ

Москва

2023

*Я тут прозябаю на севере,
но вдруг в отдалении вьюг,
сияя, пожнёт, что посеял я
мне ласковый солнечный юг!*

01.06.2023.

Александр Воловик, СИЯНИЕ ЮГА, стихи.

© Воловик А.И., 2023

© Издательский Дом «ВРУЧНУЮ», 2023

ПЕРЕДОВЕРЯЮ

Перстов пинцетам беру ль, ки-
нетической силой духа ль
рифм невесомые бирюльки,
разграфоманившийся ухарь,

или в ночную заваруху
вникаю кукишами взора,
подобно лёгких мыслей пуху
играя пуговками вздора,

в любом из этих выкрутасов
я, сам себя образумляя,
не захожусь в пылу экстазов,
а вам их передоверяю.

СВЕТИТЬСЯ СИЯТЬ

светиться сиять упрекать в недосвете солнце
смеяться лететь извлекать из мычанья звон
явиться незванным и от никого посланцем
и убедиться и всех убедить что зван
и всемогущий словить и не славить случай
а тленное тело вселить в бестелесный дух
существованье на то бытия и слаще
что позволяет продлить предпоследний вздох

МИГ

Ропот.

Из ропота —

роботы —

в боты.

С работы —

ты.

Я — навстречу.

Чу!:

чувство...

Увесист

ствол.

Дышит

густо

сердца вол.

Горячась,

не замечу,

как —

ботинком —

прямо в грязь...

Упадёт на плечи вечер

чёрной вспышкой острых глаз.

Переменчивым зигзагом

удаляющимся шагом

промелькнёшь весенним флагом,

светом солнечным струясь...

И трамвая

красный демон

подойдёт,

тихо тронется и —

где он?!

— По-

во-

рот...

БЕССОННИЦА

Я по уши вкопаюсь в формулы.
Для помощи не хватит кворума.

Я сам себе судья и правило,
и сам себя сужу я правильно

А прочие — пусть только сунутся!..
Я прошлое толкаю в улицы!

Как конница, за мною гонится
бессонница, моя любовница.

Но брошу я твои объятия,
хорошая моя, проклятая...

Пусть сон шуршит в полночь пор моих —
я по уши вкопаюсь в формулы!

CAFEMAX

Тут *максимально* проходит вечер.
Набатом вече гремит драже.
Его, как бисер, друг дружке мечем,
и каждый мечен драже уже.
Иной девице в стихах неймётся,
мол, ей сосцы целовал пацан.
Какая цаца! Но цыц! Немотствуй.
Такую поцеловал бы сам!..
Ревём да стонем, но не за деньги!
Нас слава манит, как сатана...

А между столиков привиденьем
проходит медленная Она...
Я воспалён, как мартен и домна.
Я Ей не ровня, я крепко влип.
И, зеленея, цветёт бездомно
Она на том на краю Земли...
У стойки столик. На стенке телек.
Хрипит хореев в гортани ком.
Хрипеть не стоит. Уймись, истерик!
Ты не был с Ней никогда знаком.
Ты не был с Ней никогда знаком.
Ты не был с Ней никогда.

Ты не был.

ИААНЕ РУБИНШТЕЙН

Гонят утреннюю лень
радостные планы.
Динь-динь-динь, Дианин день!
Здравствуй, День Дианы!
Я сегодня не хочу
дел и бдений разных.
Я к Диане полечу
на чудесный праздник!
Не какую-то бузу,
а — стихотворенья
поздравлением везу
ей на день рожденья.
Будь здорова, молода,
как сейчас и ранее.
Что́ невзгоды и года
творческой Диане!
Будь любимой и люби —
жизнь полна любовью.
Вдохновение лови
для музыкословья.
Да минует твой удел
скука и рутина!
И ещё бы я хотел
славить Валентина.
Муз и музыки истец,
друг мажорной гамме...
Ваш союз хочу воспеть
звонкими строкáми.
Пусть не шибко высоки,
но ведь и не низки
самодельные стихи
в самопальной книжке.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Зря, патриот, по отечеству малому мечешься,
так ли обилен из зорь и берёзок улов!
Глобализация — светлый удел человечества.
Общая Родина. Выход из утлых углов.

Космос палит ли из пламенных бластеров пластиком,
гиперболоиды бьют ли лучом по жнивью —
малая родина, млечная мама, Галактика,
жизнь положу за свободу вращения твою!

ЯЩЕР

Я окуклился в тугой кокон.
Я опутан дорогим шёлком.
Я, как кукла, подожду срока,
даже усиками не щёлкну.
На спине нажми бутон — свистну
и глазами — хлоп! — из фарфора.
Скоро я проснусь удивить вас,
А пока у вас ещё фора.
Но простонет семь годков с гаком.
Потемнеет и рванёт небо.
Лопну кожицей, слегка крикну
и над Родиной взовьюсь в гнев.
Пастью огненной рыгну вящей.
Прокукует на часах девять...
И взлечу — такой крутой ящер!
Стану крылышками бяк делать.

ФЕЙКИ

По радио всё говорят: фейки, фейки,
тогда как, совея, лежу на софе я
и думаю, крутя на запястьях феньки:
ведь фейки это же маленькие феи!

Что же это радио их так не любит?
Закон, говорит, против них готовят...
Добрая же фея всех приголубит,
это только злая вредит да гнобит.

Если эту феечку, то есть фейку,
угощать эклерами, звать на танцы,
разве превратится она в злодейку!
Разве кого цапнет когтистым пальцем!

Никогда! Но если бедняжке фейке
кулаком грозить и ругаться матом —
подрастёт, и зенки сверкнут на фейсе,
станет стан девичий кривым, горбатым.

И лихая ведьма заржёт кобылой,
наколдует сепсис и диарею,
личико заменит свинячим рылом,
суженого — лохом-прелюбодеем.

Радуйте же их и враньё развейте,
и они цвести будут, хорошея.
Пусть растут и множатся наши фейки
счастья, может, в будущем корифеи!

ЗАМОРОЗКА

Ты уймись, уймись, невроз,
хрен вам, аллопаты!
Здравствуй, дедушка мороз,
целиком из ваты.
Онемело всё на-раз,
умерло, заглохло.
Заморóзка первый класс —
то-то будет ломка!
На пиру недорогом
стопка не помеха.
И заел бы пирогом
грецкого ореха...
Но не мне свистать скворцом,
свет, и тот мерцанье.
Принеси-ка мне, гарсон,
калию в циане.

НЕ УМ, А ЗВУК

*ТИШЕ РАЗУМ: МУЗА РЕШИТ
(палиндром)*

Д.Е. Авалиани

*Никто не знает, тугоух
и тайн моих не раскусив,
что, когда я ваяю стих,
не ум ведёт меня, а звук.*

Из первоначального варианта

— Что же вы на свет не вышли,
строчки? — скучно в рукаве!

— Дело в том, что нету мыслей,
нету мыслей в голове.

— И не надо, и не надо!

Мысли пошлы и скучны.

Звуки — вот одна отрада,
антиподы тишины.

Надо, чтобы среди ночи,
вечерком и поутру

звуки чавкали калоша-
ми округлыми во рту.

Чтоб свистком они свистали,

чтоб гремели, как кирпич,

кувыркающий по стали,

скажем, крыши, грома спич.

Чтобы гукали и пели,

лепетали и лились,

сладкогласные, как феи

по дороге в парадиз.

У!

Я прочитал у В.Б.Шкловского со ссылкой не помню, на кого, что звук «У» — грустный, печальный, у-у-унылый...

С грустным «У» — куксюсь, слушай!

Ну — усну!.. Ужас — в уши...

Утро. Шум. Звуки — с́ухи.

Сукин кум тухнет в пухе.

Культ причуд: скушав булку,

уд шурупь в вульвы втулку.

Улиц пульс. Уляя т́уля.

Супа вкус. Скуки стулья...

Дуб наук — т́упо́умен.

Глух паук. Гулок бубен.

Дух, и вдруг — буквы дудка...

Куча штук у рассудка.

Груда туч: «Будет буря!..»

Бунт могуч — мудрых дурит!..

Вру, летун ступы — чутко:

будто — лгун, будто — шутка!

БЕЗ СОДЕРЖАНИЯ

В песочнице на корточках,
беснуюсь в жанре я
изготовленья формочек
без содержания.
Блестят они, чудесные,
бездумные цветки,
балясинки на лесенке,
баклушки-пустяки.
Сосуды пустотелые,
закон и такт любя,
сусветной сутью дела ли
заполонят себя?
Иль впарят рваным ворохом
(дисплеям вопреки)
вербальным археологам
для склеек черепки?..

НА АПЕЛЬСИНОВОМ ЗАВОДЕ

на апельсиновом заводе
из металлического лома
невероятный но реальный
изготавливается истец
на лоне пламенных мелодий
меня сено на солому
он дышит вольно и наглядно
как не из этих как из тех
его фаллические взоры
трубят и горнно и тамтамно
его фантомные прикиды
не вьются гюльфиками тог
в конце концов он будет взорван
и полыхнёт и тут и там но —
сиянием цитрусовым с виду
бесповоротным как итог

СМЕЮНЧИК

смеюнчик верлимирней хлебника
кривротосклив оскаламбурен
прелюбогамной младоступности
куздрастлевая в смотрафон
харрасментарий гуинпленником
непринудист но в терем тюрем
перепалачен шлёпом пупочки
фрибольно взубом в солдафонд

НЕ ДО СЕМАНТИКИ

глаз черенок скважина щёлка точка
что положил на что почему не то что
правила побоку цели намёки повод
ало-зелёная рыжь криво-кóсо-хово
дрожь рубежа пережарен угаром мая
текст неясней тостóв гаснет свет мигая
лета легла деталь солнышко откоптело
четырёхмерный след оставляет тело
равнобурлящее с бурным экстазом зомби
вроде заряженной жизнезарядом бомбы
носит его не уронит пустое небо
не до семантики и пунктуаций не до

HARD & SOFT

Тетрадь — мой *HARD*. А лирика — мой *SOFT*.
Периферия вывода и ввода —
мой транспорт (колыбель моих стихов).
Vivat, трамвай! Метро — достойно оды.

По рёбрышкам ступенек сделал *па*
и чуть не загремев по ним при этом,
я рассмеялся, даже не упав,
и вот пою вам — внутренним фальцетом.

Я б вызвал интерес — как клон бабуль...
Литературоведов — понимаю.
Но наточил мне славный каламбур
маэстро каламбурное Минаев.

С тяжёлой миной на лихом лице,
с тяжёлой лирой мэтра Владислава
и не закончив Пушкинский лицей,
я — *тронулся*: за предпосмертной славой.

За шагом шаг, как будто годовал,
я продвигался в сторону финала.
То вправду прозревал, то блефовал...
А время шло. Его осталось мало.

Но диалог себя с самим собой
стал скучен вдруг и реплики неловки...
В чём дело-то? В аппаратуре сбой?
Клопы проснулись в области рифмовки?..

А может, надо было сквозь «нельзя»
переть, как трактор, не топчась в передней...
Или — неверно выбрана стезя?
И надо было заниматься греблей?..

Я грёб и грёб бы, вспенивая муть
у кромки П. Великого ботфорта.
Глядишь, и взял бы приз какой-нибудь...
Но поздно, в прошлом всё... Какого чёрта!..

За то, что предал молодости стать,
гореть в одной из адских мне жаровен...
Что ж я молчу? Мне нечего сказать?
Нет! Просто скромн я: немногословен.

И молча, не сказав ни ах, ни ох,
покаламбурю сам с собою нá спор.
Тогда как *HARD* и (что обидней) *SOFT*
умчатся, клокоча, в далёкий Каспий.

УРОКИ МУЗЫКИ

Когда разучусь сочинять стихи
(точнее, так и не научусь),
появятся новые пастухи
у стада моих беспризорных чувств.

Они выразительно щёлкнут бичом,
басовым ключом синтезатор вскрыв,
и я, в невежестве уличён,
сжимая воображаемый гриф,

забросив грифель, курсор, перо,
забыв про телесную суть любви,
пущусь вдоль додекафонных троп
вписаться в звенящий струны извив.

И пусть мои пальцы сведёт артроз,
склероз переварит в дерьмо мозги —
пусть я не дорос до стихов и проз,
во тьме не выдав ни единой зги —

но ноту за нотой зубрю, дикарь,
листа партитуры мусоля клоч.

Изжелта-чёрн ноябрь-декабрь.

Грозным Бетховеном бредит ЛОР.

С севильского что ль свихнувшись ума,
ухо замылил цирюльник злой,
Музыки муза глохнет сама —
замерь, имбецил, децибела звон.

Утлого слуха сух абсолют.

Быт полосат словно клавиш ряд.

Со всхлипами флейт переборы лютнь
флиртуют, да и со всеми подряд...

Но топот стад заглушит дуду —
пастушью, пастырскую: облом!
И я на круги на свои пойду,
скрипя суставами и пером.

Ах, стая чувств, опрокинь блокпост!
Верни первозданную власть перу.
Забей (на всё!) поэтический гвоздь,
точку в пустыне, где я, как труп —
лежу, и наг (то есть просто гол),
хладный в ладонях не мну глагол.

Я КАК ПУШКИН

Я, как и Пушкин (!), а вернее, я, как
Поэт его стихов, пишу лишь для себя.
не получая, правда, денег
(как правило) с издателей. — Зачем же,
глаза разъев вредом экрана, строчку
за строчкою строчу?
Для славы, что ли только?
Иль для бессмертия? —
Какая чушь!
Бессмертья нет.

Ни ангелов унылых,
ни радостных чертей,
ни страстных гурий (увы!)
и ни Нирваны,
наоборот, бесстрастной,
я не жажду.
Но я не верю в то,
что «Я» не буду.

Я, может быть, клопом, грибом, былинкой,
чудовищем, орлом трёхглавым, или
драконом огнедышащим, а может,
в моём же доме алкашом соседом,
иваном, не запомнившим родства,
или каким-то неизвестным чем-то
в иной галактике (когда она реальна)
продолжусь

и, возможно, что не будет
инвариантов: ни души, ни тела,
ни памяти, ни духа, ни пространства —
лишь только «Я». И ощущение мира.

Иначе — это просто всё равно,
как если бы считать, что мир исчезнет...

А может быть, и нет его?..

Не знаю...

МОЛОТОЧЕК ДАНИИЛА

Когда без видимых причин
(не годы же причина!)
я вижу вдруг, что — всё: конец
надеждам и мечтам,
что я давно непогрешим
и больше не мужчина,
что я уже напрасно *здесь*,
пора мне быть бы *там*.
Что лыс и глуп я, и — толстяк
среди лихих и тощих,
что никому-то я не мил,
беззубый крокодил —
я вынимаю изо рта
заветный молоточек,
который в урну уронил
безумный Даниил...
Я был расплакаться готов
скупыми м. слезами,
но молоточек прозвенел,
и я повеселел.
Итак, да будет молоток,
производящий заумь —
крушащий воздух и металл,
звнящий децибел!
Да, он сверкает и звенит
и производит заумь,
и стихотворный звон его
мне возвращает тон.
Над вымыслом его простым
не обольюсь слезами,
но жизнь, пойму я, — ничего.
А прочее — потом!

ВОЗРАСТНОЕ

Дождёвываю, доживая, протезом чай
и неожиданно зеваю. — Ну, что ж — скучай!
Но не ребячески слюняво, в припадке бьясь...
Старик! Ну, не впросак же, право тебе попасть!
Введи в фарватер судно скуки вдоль по тропе —
от сплина и до депрессухи, до мдп¹.
А годы гнобят простофиль, как — кентов менты...
О юная геронтофилка, ну где же ты?!..

¹ мдп (мед.) — маниакально-депрессивный психоз.

ПАМЯТЬ

(диалог)

— А помнишь, такой тут ходил Воловик?
Его звали Саша, а был он старик.
Ну, лысый, приличный такой и в очках...

— Да помню я, помню Воловичка.
Он, кажется, что-то пописывал, да?

— «Поэт-юморист». А стишки — ерунда.
Не публиковали — он плакать не стал,
кропал свои вирши на принтере сам.

— А что ты вдруг вспомнил-то Воловика?

— Не знаю... Да хрен с ним. Плесни-ка пивка.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВЕРЯЮ.....	3
СВЕТИТЬСЯ СИЯТЬ.....	4
МИГ.....	5
БЕССОННИЦА.....	6
САФЕМАХ.....	7
ИАНАЕ РУБИШТЕЙН.....	8
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ.....	9
ЯЩЕР.....	10
ФЕЙКИ.....	11
ЗАМОРОЗКА.....	12
НЕ УМ, А ЗВУК.....	13
У!.....	14
БЕЗ СОДЕРЖАНИЯ.....	15
НА АПЕЛЬСИНОВОМ ЗАВОДЕ.....	16
СМЕЮНЧИК.....	17
НЕ ДО СЕМАНТИКИ.....	18
HARD & SOFT.....	19
УРОКИ МУЗЫКИ.....	21
Я КАК ПУШКИН.....	23
МОЛОТОЧЕК ДАНИИЛА.....	25
ВОЗРАСТНОЕ.....	26
ПАМЯТЬ.....	27

Александр Воловик

СИЯНИЕ ЮГА

СТИХИ

Издательский дом «Вручную»

Вёрстка А.И.Воловик

Подписано к печати 01 июня 2023 года.

Тираж договорной